

МАЙКЛ КАРВЕР

БИТВА ПОД ЭЛЬ-АЛАМЕЙНОМ

ПОРАЖЕНИЕ ТАНКОВОЙ АРМИИ
РОММЕЛЯ В СЕВЕРНОЙ АФРИКЕ

Майкл Карвер
Битва под Эль-Аламейном.
Поражение танковой армии
Роммеля в Северной Африке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=609425

*Битва под Эль-Аламейном. Поражение танковой армии Роммеля в
Северной Африке: Центрполиграф; Москва; 2003
ISBN 5-9524-0628-9*

Аннотация

В книге рассказывается о событиях Второй мировой войны в Северной Африке близ маленькой железнодорожной станции Эль-Аламейн осенью 1942 года. Автор использует документальные источники: письма Роммеля, телеграммы Гитлера, доклад командования австралийской дивизии о ходе кампании. Детально воссоздана картина боевых действий армий Германии и Британии.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Майкл Карвер

Битва под Эль-Аламейном.

Поражение танковой

армии Роммеля в

Северной Африке

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Джону Хардингу, моему боевому командиру

Глава 1

ПУСТЫНЯ: С ЗАПАДА НА ВОСТОК

Эль-Аламейн – это маленькая железнодорожная станция, расположенная на идущей вдоль побережья железной дороге, связывающей Александрию и Мерса-Матрух, в 50 милях от Александрии. Своим названием станция обязана цепи невысоких гор, отделяющих железную дорогу от Средиземного моря. Эти горы называются Тель-эль-Аламейн – горы двойных пирамид. Эль-Аламейн издавна известен служившим здесь задолго до Второй мировой войны солдатам как удобное место ночного отдыха на пути в Мерса-Матрух. Тогда, правда, на месте железнодорожных путей было шоссе. От станции было легко спуститься к берегу моря и смыть дневную, вьвшуюся во все поры пыль.

Карет-эль-Химеймат, расположенный в 28 милях к югу, также был знаком солдатам как важный пункт на прямом пути от Каира до Мерса-Матруха. От Карет-эль-Химеймата к юго-западу, по направлению к Сиве, протянулась 200-мильная преграда, проходимая для транспортных средств только в одном-двух местах. Это впадина Каттара – огромное соляное болото, расположенное на 200 футов ниже уровня моря, проходимое в нескольких местах только для верблю-

дов и ограниченное с севера близ Сивы крутыми зазубренными скалами. От юго-западного, расположенного возле Сивы угла этого соляного болота был еще один устрашающий барьер, протянувшийся на запад и юг на сотни миль – Большая песчаная пустыня. Юг и запад этой пустынной преграды покрыт мелким песком с тонкой коркой мелкого щебня. В легко нагруженном грузовике с пустынными шинами можно было бы ехать по такой пустыне с вполне приличной скоростью, если бы не дюны, образованные ветрами, дующими здесь поперек дороги в направлении с северо-запада на юго-восток. Но после прохождения нескольких машин на поверхности образовывалось месиво из песка, проехать по которому мог, да и то не всегда, только очень опытный водитель.

Северные и западные участки пустыни представляют собой совершенно иную картину. За исключением прилегающих к морю районов, где также преобладают дюны и соляные болота, местность здесь каменистая, и по ней можно легко проехать на автомобиле. Местами этот ровный ландшафт нарушается впадинами, скалами и участками сыпучих песков и жестких кустарников, что ограничивает и затрудняет движение в любое время суток. Ехать по такой местности ночью без включенных фар практически невозможно.

Стратегическая важность горловины между Эль-Аламейном и Химейматом определяется тем, что только через это узкое горлышко могли войти в Египет наступающие с запада войска. Это становится ясно каждому, кто взглянет на фи-

зическую карту этого района. Нет ничего удивительного в том, что именно это место было ареной ожесточенных битв на протяжении эпох и столетий. Правда, история не сохранила об этом письменных свидетельств. Пустыня, протянувшаяся на много сотен миль к западу, сама была непреодолимым препятствием для вторжения до наступления эры моторизованных воинских соединений. Даже в 1938 году эксперты в Каире догматически утверждали, что в Западной египетской пустыне из-за недостатка воды можно разместить не более одной бригады. Но воды было достаточно для тех, кто знал, где пробурить скважину и взять средства для транспортировки воды.

Как, однако, случилось, что осенью 1942 года именно в этой 30-мильной горловине сошлись армии гитлеровской Германии и фашистской Италии с одной стороны и армии Британской империи с другой? Британские войска дислоцировались в Египте с 1882 года, когда Гарнет Вулсли высадил английских солдат в Исмаилии, индийских солдат в Суэце и этими силами нанес поражение армии Хедива Исмаила у Тель-эль-Кебира в то время, когда Королевский военноморской флот бомбардировал Александрию. С момента открытия Суэцкого канала в 1869 году Британия обращала неослабное внимание на узкую полосу земли между Средиземным и Красным морями. Когда рухнула финансовая система Хедива и он был вынужден передать свои долги ино-

странным держателям, Великобритания обратилась к Франции с предложением сотрудничества для охраны интересов многих европейских стран. Франция отказалась от такого сотрудничества, и Британии пришлось действовать в одиночку.

Постоянно провозглашая намерение уйти, как только будет выполнена задача приведения в порядок египетских дел, британские войска тем не менее пробыли здесь до 1914 года, когда неожиданно возникла новая ситуация. Египет в то время сохранял номинальную зависимость от турецкого султана, который во время Первой мировой войны объявил о своем союзе с Германией. Британия при таком повороте событий была вынуждена объявить о независимости Египта от Турции. Турецкая армия при поддержке немцев совершила марш из Палестины и дошла до Суэцкого канала. Во время Первой мировой войны Египет стал основной базой подготовки операций в Галлиполи, Салониках и Палестине. В Западной пустыне произошло несколько мелких восстаний против Сенусси, инспирированных турками и немцами. Здесь броневые автомобили герцога Вестминстерского продемонстрировали возможность действий механизированных войск в пустыне.

После войны и распада Османской империи Великобритании пришлось взять на свои плечи большой груз ответственности за обстановку на Ближнем Востоке, как это провозглашалось в те времена. Это обстоятельство, растущая

важность поставок нефти и развитие авиации многократно увеличили важность Египта для Британии. Несмотря на усиление тенденций к независимости, британские войска оставались в Каире, Александрии и Исмаилии.

В 1935 году Италия, утвердившись в Ливии, развязала колониальную войну против Эфиопии. Британия и Египет отчетливо видели опасность фашистского окружения. Были предприняты меры по модернизации и усилению британского гарнизона в Египте, состоявшего в то время только из пехоты и кавалерии.

Так обстояли дела, когда в мае 1940 года, после поражения Франции, Италия присоединилась к Германии. Британцы располагали в Западной пустыне 7-й бронетанковой дивизией, расквартированной в Мерса-Матрухе. Бронеавтомобили этой дивизии, старые «роллс-ройсы» 11-го гусарского бронетанкового полка, почти ничем не отличавшиеся от машин герцога Вестминстерского, действовавших здесь почти двадцать пять лет назад, пересекли границу возле Саллума через несколько часов после объявления войны. Этот удар поддержало ядро военно-воздушных сил пустыни в составе эскадрильи воздушного прикрытия сухопутных сил, эскадрильи истребителей и трех эскадрилий бомбардировочной авиации.

Итальянская армия потерпела поражения в Ливии, сначала при Сиди-Баррани в декабре 1940 года, а затем при

Беда-Фомме (к югу от Бенгази) в феврале 1941 года. В это время немцы осознали опасность полного перехода Северной Африки под контроль союзников. Если Британия сумеет прорваться в Триполитанию, то ее войска соединятся с французами в Северной Африке, которые смогут освободиться от контроля со стороны вишистского режима. Изменится вся оперативная обстановка в Средиземноморье.

Спешно были сформированы небольшие мобильные силы, которые предполагалось высадить в Триполи, чтобы усилить итальянскую оборону западных провинций Ливии. Командиром этих сил был назначен Эрвин Роммель, чьи блестящие способности командовать танковыми дивизиями были продемонстрированы во Франции в 1940 году. Это соединение – первоначально 5-я легкая танковая дивизия, преобразованная впоследствии в 21-ю танковую дивизию, – стало ядром формирования будущего германского африканского корпуса и танковой армии «Африка».

Британские силы в Египте и Киренаике, включавшие в себя также австралийские, новозеландские, индийские и родезийские части и ожидавшие прибытия войск из Южной Африки, после окончания абиссинской кампании не стали развивать достигнутый в Западной пустыне успех и не предприняли наступление на Триполи. Вместо этого главные усилия были направлены на бесплодные попытки спасти Грецию и Крит от германского вторжения.

Пока британская армия занималась приготовлениями,

Роммель, вопреки приказам итальянского и германского Верховного командования, нанес удар по небольшим британским силам в Мерса-Бреге в излучине залива Сирте. Воодушевленный скорым успехом, он рванулся вперед, используя растерянность противника. Он вытеснил британцев из Киренаики, окружил Тобрук и вышел к египетской границе у Саллума. Здесь он, наконец, остановился, захватив за несколько недель почти все, что потеряли итальянцы во время зимней кампании.

Ему удалось совершить невиданное в военной истории чудо, оказавшее большое влияние на ход всей будущей кампании. Прежде всего, он проигнорировал приказы своих немецких и итальянских начальников, доказав, что если непослушание приводит к победам, то на него смотрят сквозь пальцы или даже одобряют. Затем он отверг все советы, которые давали ему в Генеральном штабе и штаб-квартире фюрера. Роммель доказал, что невозможное с точки зрения законов разума и трезвых расчетов достигается решительностью, волей, быстротой действий и дерзостью исполнения. С максимальной пользой применив захваченные трофеи, он смог вывести свои силы намного дальше, чем могли предполагать Генеральный штаб и Верховное главнокомандование сухопутных сил. Он и в дальнейшем проводил свою дерзкую стратегию, но безоглядная смелость в конце концов привела Роммеля к поражению.

В мае и июне 1941 года, во время и после катастрофы в

Греции и на Крите, британцы безуспешно пытались отбросить Роммеля от границы Египта и соединиться с гарнизоном осажденного Тобрука. Но и Роммель не сумел взять крепость. Сам Тобрук и Королевский флот, снабжавший его, подвергались непрерывным атакам с воздуха. Но гарнизон не только выстоял. 9-я австралийская дивизия, составлявшая ядро осажденного гарнизона, получила подкрепление в виде британской 70-й дивизии и польской бригады карпатских стрелков. В течение лета гарнизон был усилен другими британскими частями.

Именно в это время генерал Клод Окинлек сменил генерала Арчибальда Уэйвелла в должности главнокомандующего британской армией на Среднем Востоке. Одним из первых шагов нового командующего стал приказ генералу Джеймсу Маршаллу-Корнуоллу форсировать сооружение оборонительных позиций в районе Эль-Аламейна. Эта работа неспешно продолжалась до конца года. Оборонительные рубежи имели классическую форму всех оборонительных сооружений такого рода в Западной пустыне. Не имели отличий и позиции Роммеля на границе, на которых он успешно отразил два британских наступления. Основная позиция, предназначенная для главных сил пехотной дивизии, находилась на побережье, перекрывая дорогу, и соединялась с правым флангом, защищенным морем. Главной особенностью этой позиции были наблюдательные пункты, располо-

женные на горах Тель-эль-Аламейна — на высотах, господствовавших над плоским и открытым пространством юго-запада.

Позиция, построенная в центре линии обороны, включала в себя пик Карет-эль-Абд, откуда можно было наблюдать за происходящим на севере. Местность вокруг пика изобилует скалами и впадинами, которые сильно затрудняют передвижение войск. Между Эль-Аламейном и Карет-эль-Абдом местность по преимуществу плоская. Но в середине между ними идет гряда Рувейсат — от южного края небольшой впадины Дейр-эль-Шейн на восток. Эта гряда не представляет особых препятствий для движения. Северная часть гряды плоская, покрыта участками сыпучего песка и колючим кустарником. К югу расположена напоминающая плато местность с твердым, удобным для переходов естественным покрытием, южная оконечность которой позже получила название Голой гряды. Она тянется на 12 миль к востоку от Карет-эль-Абда, затем поворачивает к северо-востоку через Алам-эль-Хальфу до слияния с восточной оконечностью Рувейсатской гряды к югу от станции Эль-Рувейсат.

Самая южная позиция была предназначена для прикрытия прохода через скалы впадины Каттара возле Наиб-абуд-Двейса. Эти скалы вдвое превышают высоту пика Карет-эль-Абд. Отсюда во всех направлениях открываются величественные и захватывающие виды, само это место практически неприступно, а войска, расположенные там, не в состоя-

нии повлиять на ход событий и могут вступить во взаимодействие с противником только при прямом нападении. Между Карет-эль-Абдом и Наиб-абу-Двейсом находятся крутые скалы и отвесные высоты. На большей части этой местности продвижение войск с запада на восток значительно затруднено. Однако если пройти через узкую горловину гладкой местности к северу от Гебель-Калаха, то между последовательностью впадин, расположенной на юго-востоке от окрестности Карет-эль-Абда длиной почти 20 миль до Дейр-эль-Рагиля, и грядой скал, простирающейся до Карет-эль-Химеймата, можно выйти на плоскую гладкую равнину с хорошим грунтом. К югу от гряды грунт становится мягче и образует пологий склон, который заканчивается крутым обрывистым берегом глубокой впадины соленого, заселенного исключительно комарами оазиса Эль-Магра.

Механизированные войска противника, приближающиеся к линии Аламейна с запада, могут двигаться по трем проходам: северному – между железной дорогой и грядой Рувейсат; центральному – к северу от Карет-эль-Абда, а затем на восток к южной части гряды Рувейсат и к северу от Алам-эль-Хальфы; южному – к северу от Гебель-Калаха, Химеймата и Самакет-Габаллы. Эти проходы также позволяют обойти оборонительные позиции, для удержания которых достаточно двух пехотных дивизий.

Мобильного противника невозможно удержать от прохода, а потому предупредить окружение гарнизонов – «коро-

бочек», которые можно осадить и подавить одну за другой. Все, на что будут способны эти гарнизоны, – это обстреливать противника в пределах видимости из того ограниченно-го количества артиллерийских орудий, которые можно разместить по периметру обороны. Расширение периметра, который надо оборонять со всех направлений, потребует большей численности обороняющих укрепления войск. В частности, возрастет количество противотанковых орудий. Войска внутри укреплений нельзя сделать подвижными без того, чтобы смять периметр «коробочки», полной уязвимых для огня противника грузовиков. Существенной частью обороны должны быть по меньшей мере две бронетанковые дивизии, предназначенные для действий в промежутках между оборонительными укреплениями для отражения ударов противника.

Следовательно, не говоря о резервах, оборонительной линии Эль-Аламейна (так планировалось в 1941 году) требовались две пехотные и две танковые дивизии.

Работы начались в конце лета 1941 года, когда Роммель готовился к решающему штурму Тобрука, а британцы концентрировали силы вокруг Мерса-Матруха, собираясь переходить к наступлению. На генерала Окинлека оказывали значительное давление, чтобы он начал боевые действия в сентябре или октябре. Однако он дал время соединениям, которые составили 8-ю армию под командованием генерала Ала-

на Каннингхэма, должным образом подготовиться. Для наступления было выбрано 18 ноября 1941 года. Эта операция, получившая кодовое наименование «Крусейдер», имела целью снятие осады с Тобрука, захват Киренаики, обеспечение воздушной и военно-морской поддержки Мальты и открытие пути для очистки от противника всего североафриканского побережья. Британцы имели успех во всем, за исключением последней задачи, хотя не обошлось без трудностей, сомнений и растерянности.

Положение сторон в конце операции, то есть в январе 1942 года, напоминало положение февраля 1941 года, когда немцы и итальянцы, под номинальным командованием итальянцев, измотанные и обескровленные, понеся большие потери, отступили к Мерса-Бреге. 8-я армия, которой теперь командовал Ричи, имела на передовой линии малые силы, взаимодействующие с противником, основные силы находились в центре Киренаики, где ими было легче управлять. Так же как в 1941 году, силы в Тобруке получили свежие подкрепления, которые заменили войска, измотанные в боях, которые продолжались два месяца.

Опять (как и в 1941 году) Верховное командование британской армии в плановом порядке перебросило силы со Среднего Востока на другой театр военных действий: в этот раз на Дальний Восток, где к этому времени пал Сингапур, а над Бирмой нависла серьезная опасность. Ущерб, нанесенный войскам, оставшимся в пустыне, был на этот раз не так

велик, как при попытке отразить нападение на Грецию годом раньше, но с СевероАфриканского театра войны были выведены две австралийские дивизии, британская 70-я дивизия, 7-я бронетанковая бригада и часть других соединений, так же как несколько эскадрилий Королевских военно-воздушных сил.

21 января 1942 года Роммель почти в точности повторил свою операцию, которую провел с гораздо меньшими силами годом раньше. Результаты были почти столь же впечатляющими. Однако, хотя ему удалось выбить 8-ю армию из Киренаикского выступа, Роммель не смог на этот раз захватить много пленных и трофеев, а его наступление было остановлено на линии, идущей к югу от Аин-эль-Газалы, в 40 милях западнее Тобрука.

На этой линии противники начали готовиться к новым боям. Роммель получил от своего командования задачу захватить Тобрук и вытеснить 8-ю британскую армию до египетской границы, нанеся ей максимально возможный урон.

Для британцев главной целью было захватить утраченные аэродромы в Киренаикском выступе. Положение Мальты стало критическим. Снабжение упало почти до нулевой отметки, а потеря Киренаикского выступа обернулась невозможностью подхода к Мальте морским путем с востока. Доставка снабжения с запада очень дорого обходилась британцам.

По этой причине командование оказывало на Окинлека сильное давление, требуя возобновить наступление, чтобы быстрее овладеть Киренаикским выступом. Генерал Окинлек, однако, был убежден, что попытка наступления спровоцирует Роммеля на жесткий ответный удар по 8-й армии, так как он был в состоянии развить успех на Эль-Агейлу. Увод части сил на Дальневосточный театр серьезно расстроил планы Окинлека, а немецкие успехи в СССР вызывали озабоченность относительно угрозы Северному Ираку. Но после обмена мнениями военный кабинет принял во внимание риск операции, и стороны пришли к согласию, что наступление 8-й армии надо отложить до середины мая.

По мере приближения этого времени обстановка становилась все более мрачной. С Дальнего Востока приходили страшные известия: пала Бирма; поговаривали о захвате японцами Цейлона; угроза нависла над Индией. Эти новости, как казалось Окинлеку, требовали пересмотра всей стратегии на Среднем Востоке. Он указал на большой риск начала наступления в Ливии в это время при явном дефиците бронетанковых сил. Но в Лондоне считали, что главное – облегчить положение Мальты, а Окинлек драматизирует положение. Поэтому 10 мая 1942 года военный кабинет отдал ясный приказ главнокомандующему начать наступление в мае согласно плану или самое позднее в начале июня, чтобы прикрыть конвой на Мальту, который должен быть отправлен в ближайший «темный период».

Не приходится сомневаться в том, что противоречия можно было бы уладить, если бы Окинлек прибыл в Лондон, как ему предлагали. Но сложилось так, что прежде дружеские отношения между премьер-министром и главнокомандующим стали натянутыми и остались такими на долгое время.

После стабилизации фронта на линии Газалы первые действия носили чисто оборонительный характер. Разработанный в это время план предусматривал сдерживание противника на главных направлениях, а решающее сражение предполагалось дать на границе с Ливией у Саллума, для чего пришлось бы оставить Тобрук. По мере наращивания сил планы претерпели существенные изменения: было решено возвести мощные оборонительные сооружения, способные выдержать танковую атаку, на северном фланге линии Газалы. Оборонительные сооружения были возведены и прикрыты обширными минными полями, причем некоторые мины были перенесены сюда со старых позиций возле Тобрука. Железнодорожная линия от Александрии и водопровод были подтянуты до восточных подступов к Тобруку, который превратился в мощный передовой опорный пункт. Для его прикрытия линия обороны была продолжена на юг, вплоть до Бир-Хашейма. Но между позициями на юге образовалась широкая брешь, заполненная лишь минными полями.

Роммель внимательно следил за этими приготовлениями, и растущая мощь 8-й армии не на шутку его тревожила.

Больше всего он хотел избежать положения, когда противник, связав его силы, изыщет резервы и обойдет его с флангов, отрезав от линии снабжения из Триполи и Бенгази. Лучшим выходом, на его взгляд, был бы упреждающий удар по Ричи. Это намерение стало очевидным в мае, поэтому 8-я армия и главное командование отложили планы наступления и стали готовиться к удару Роммеля на заранее подготовленных позициях.

Наступление Роммеля началось 26 мая 1942 года. Поначалу казалось, что главный удар будет нанесен по центру, как говорил об этом Ричи генерал Окинлек, но данные воздушной разведки, донесения из броневедомобильных подразделений и мотострелковой бригады 7-й бронетанковой дивизии в течение ночи утверждали, что большая часть сил Роммеля повернула на юг и направляется к позициям бригады «Свободной Франции» у Бир-Хашейма.

Действительно, все мобильные силы африканского корпуса еще до рассвета пополнили запасы топлива и повернули к югу от Бир-Хашейма, намереваясь двинуться на северо-восток к предместьям Тобрука, на запад к Акроме и на юг к Эль-Адему. Это был смелый план, который почти имел успех, так как 30-й танковый корпус генерала Нори с его тремя разведанными на большие расстояния бригадами был застигнут врасплох, как и расположенная к востоку от Бир-Хашейма 7-я бронетанковая дивизия, не успевшая занять своих позиций.

Вскоре, однако, Роммель оказался в отчаянном положении. 8-я армия выдержала натиск и устояла. Он не достиг своих первоначальных целей и оказался зажатым на маленьком пятачке к востоку от минных полей 8-й армии, почти лишившись боеприпасов и линий снабжения. Роммель всегда был азартным игроком, но сейчас он сумел проявить мудрость. Сконцентрировав силы, он проделал проходы в минных полях и восстановил линию снабжения, одновременно отбив плохо организованные атаки союзников. За несколько дней он улучшил свое положение, избавившись от самых неприятных «колючек» в своем боку: 15-й пехотной бригады 50-й нортумбрийской дивизии у Дахар-Аслага и 1-й бригады «Свободной Франции» у Бир-Хашейма.

Затем Роммель возобновил наступление, в результате которого у 8-й армии осталось только 70 танков, а наступавшие располагали сотней немецких и почти 60 итальянскими танками. Развязка наступила 12 июня, когда Ричи понял, что с разбитыми мобильными силами ему надо отводить пехоту и перестраивать все планы, разработанные для наступления, иначе поражение и плен неизбежны. Задача была не из легких.

В этой сложной, быстро меняющейся ситуации возникло взаимное непонимание по вопросу о Тобруке. Окинлек решительно настаивал на том, что Тобрук надо оборонять, не допуская повторной осады и тем более сдачи неприятелю.

Он отдал приказ удерживать Роммеля на линии западного рубежа обороны Тобрука, и Ричи, намереваясь выполнить если не букву, то дух приказа, распорядился удерживать крепость Тобрук, для чего собрать и реорганизовать имеющиеся силы. Но Роммель быстро очистил участок вокруг Тобрука и провел молниеносную атаку в направлении юго-востока. Сделав это, он решил свои позиционные проблемы и немедленно провел атаку из района Агейлы.

Узнав о падении Тобрука, Ричи принял решение сначала задержать противника на границе с Ливией у Саллума, а затем отойти на подготовленные рубежи у местечка Мерса-Матрух. Окинлек одобрил этот план. В Матрух уже был направлен штаб 10-го корпуса из Палестины под командой генерала Холмса с приказом занять там оборону. 2-я новозеландская дивизия генерала Фрейберга была передислоцирована из района дельты, а 50-я дивизия и 10-я индийская дивизия, отошедшие от границы, были переданы под командование Ричи. Все остальные войска в полосе границы были переданы 13-му корпусу генерала Готта, Нори принял штаб 30-го корпуса в Матрухе, а когда прибыл 10-й корпус, перенес свой командный пункт в Эль-Аламейн, где принял командование 1-й южноафриканской дивизией и организовал оборону.

Только через два дня после падения Тобрука Роммель пересек границу, имея в своем распоряжении лишь 44 танка.

Два дня спустя, 25 июня он вошел в соприкосновение с 13-м корпусом Готта южнее Матруха. Именно в этот день Окин-лек решил взять на себя руководство боевыми действиями, прилетел из Каира и в тот же вечер сместил Ричи с поста командующего 8-й армией. Боевые порядки были растянуты, времени на раздумья не оставалось, армия была в состоянии полного расстройтва, а солдаты до предела измотаны. В последующие два дня Роммель рассеял 13-й корпус, собравший все войска, оставшиеся в окрестностях Матруха, включая и новозеландскую дивизию. В Матрухе был окружен и блокирован 10-й корпус. Корпус вышел из окружения, его подразделения, а также части 13-го корпуса отступили к Эль-Аламейну. Роммель продолжал наступление, и части 8-й армии отходили, не отрываясь от его войск, иногда даже отставая от них. 1 июля Роммель был, наконец, остановлен у Эль-Аламейна 1-й южноафриканской дивизией и у рубежа, наспех возведенного у Дейр-эль-Шейна, 18-й индийской пехотной бригадой. Дальше к югу вокруг Карет-эль-Абда заняла позиции новозеландская дивизия и 1-я танковая дивизия, которой были переданы все оставшиеся бронетанковые части и которая заняла позиции вдоль хребта Рувейсат. Позиции у Наиб-абу-Двейса удерживала 9-я индийская бригада – единственная оставшаяся в распоряжении 5-й индийской дивизии, которая расположилась возле Химеймата. Там же располагался штаб 7-й бронетанковой дивизии, но под ее командованием был только 4-й южноафриканский полк броне-

автомобилей.

В течение июля сражения продолжались вдоль всей линии Эль-Аламейна. Эти стычки напоминали боксерские обмены ударами. Обе стороны были слабы и до предела измотаны. Они наносили друг другу удары в мелких стычках, но причиняли лишь незначительный урон. Со временем, однако, противники набирались сил и начинали подумывать о нокаутующем ударе, но при каждой попытке атакующий убеждался в возросшей силе противника, особенно в обороне. Стороны перешли к оборудованию позиций и минированию подходов к ним. Каждый следующий удар обходился дороже и приносил меньше выгоды. Хотя стороны стали сильнее, каждый удар заставлял их выдыхаться. Поединок казался нескончаемым. Настало время для перерыва — надо было передохнуть. 9-я австралийская дивизия, которая на севере соединилась с южноафриканцами, расширила позиции к западу от Эль-Аламейна и окопалась на холме Тель-эль-Эйса. Отсюда линия обороны простиралась на юг к Дейр-эль-Шейну, к востоку от Карет-эль-Абда и к западу от Карет-эль-Химеймата. Старые позиции у Карет-эль-Абда и Наиб-абу-Двейса оказались в руках Роммеля, как и узкий проход вокруг Гебель-Калаха. Такая обстановка сложилась к концу месяца, когда Окинлек отправил в Лондон телеграмму следующего содержания:

«Вчера было проведено трудное совещание с корпусными командирами, на котором обсуждалось тактическое по-

ложение. Вследствие истощения ресурсов и укрепления позиций противника мы с сожалением констатировали, что в сложившихся обстоятельствах не следует возобновлять попыток прорвать фронт противника или обойти его с южного фланга. Сомнительно, что возможность возобновить наступательные операции возникнет раньше середины сентября. Все зависит от способности противника восстановить свои танковые силы. Таким образом, мы временно будем придерживаться оборонительной тактики, что не исключает тщательной подготовки и укрепления сил во всей полосе нашей обороны. Со временем мы воспользуемся первой возможностью предпринять внезапное, ошеломляющее противника наступление».

Глава 2

ХРАБРЫЕ, НО БИТЫЕ

Задолго до получения телеграммы генерала Окинлека те люди в Лондоне, которые отвечали за это направление боевых действий, пришли к выводу, что для выправления положения нужны экстраординарные меры. Начиная с 1940 года Средний Восток получал все, что могла дать Британия, в виде людей и машин. Во всех столкновениях с противником 8-я армия и военно-воздушные силы пустыни начиная с середины 1941 года имели численное и материальное превосходство над противником и, несмотря на это, были вынуждены отступить почти до египетской Дельты, а теперь главнокомандующий просил об оперативной паузе.

Поражения в летних кампаниях, падение Тобрука, пленение множества солдат и потеря большого количества боевой техники, почти паническое отступление к Эль-Аламейну, слухи о планах полной эвакуации Египта вызывали большую озабоченность в Англии в момент, когда страна вступала в четвертый год войны.

Всем также было ясно (и этого следовало ожидать), что последние события неблагоприятно сказались на состоянии морального духа ранее боеспособной и уверенной в своих силах армии пустыни. Отступление и ошеломляющая череда

да трагических событий, начиная с конца мая 1942 года, выявили напряжение, соперничество и подозрения, которые существуют в любой армии, но при благоприятной ситуации никогда не выплескиваются наружу. Начала циркулировать легенда о том, что армия деморализована и окончательно утратила веру в свое командование. Это было одновременно преувеличением и упрощением реального положения вещей. Какая-то часть армии действительно утратила веру в себя и своих командиров. Многие возлагали вину на снаряжение, и отчасти не без основания, но снаряжение было не таким плохим, как многие считали тогда и считают сейчас.

Самой распространенной и опасной тенденцией стало стремление различных соединений и их штабов возложить вину друг на друга. В этой ситуации раздробленность управления армией стала огромным недостатком. Командиры и личный состав штабов выше дивизионного уровня, за небольшим исключением, были переведены из Великобритании, так же как все бронетанковые части и соединения, за исключением двух южноафриканских полков броневых автомобилей'

Такое положение дел могло привести к недоверию между дивизиями доминионов и высшим командованием. Нельзя отрицать, что такое недоверие действительно существовало. Степень потери боевого духа не следует преувеличивать (как это часто делается, особенно в послевоенные годы), но нет никакого сомнения, что те, кто уцелел в битве у Газали, в том

числе новозеландцы и недавно прибывшая 23-я бронетанковая бригада, очень тяжело переживали июльскую неудачу у гряды Рувейсат. В этих сражениях не были согласованы совместные действия танков и пехоты. Это породило тяжелое чувство у обеих сторон. Меньше всех пострадали австралийцы, оставаясь свежими и сохраняя порядок. Попытка Окинлека после смещения Ричи с поста командующего 8-й армией соединить в одном лице функции главнокомандующего и командующего армией на театре боевых действий оказалась эффективной в момент, когда Роммеля удалось остановить у Эль-Аламейна; но эта мера не могла вылечить болезнь, поразившую армию.

Неудивительно, что 8-я армия, по словам генерала Александера (который сильно смягчил выражение Черчилля по поводу организации командования на Среднем Востоке), оказалась храброй, но битой. Эта истина все яснее становилась лондонским начальникам. С конца мая начальник имперского Генерального штаба генерал Алан Брук терпеливо выслушивал ежедневные допросы премьер-министра. Почему, спрашивал Черчилль, армия, на которую потрачено столько сил и средств, не одерживает побед, а терпит катастрофические поражения на Среднем и Дальнем Востоке? Брук очень остро воспринимал это недовольство и решил лично выехать на место и разобраться, что происходит в действительности. Улучив момент, когда премьер пребывал в

хорошем настроении, 25 июля 1942 года он добился разрешения Черчилля на поездку в Африку. Начальник Генерального штаба планировал в конце месяца отправиться в Египет через Гибралтар и Мальту.

К его ужасу 30 июля, накануне отъезда, Черчилль заявил Бруку, что едет вместе с ним, соединив эту поездку с посещением Каира и встречей со Сталиным. Такой поворот событий не понравился Бруку, который надеялся составить самостоятельное суждение, находясь вдалеке от своего непосредственного начальника. Надо было действовать быстро, чтобы не дать премьер-министру перехватить инициативу, и Брук прибыл в Каир на несколько часов раньше Черчилля, рано утром 3 августа. В тот же день в Каир прибыли фельдмаршал Сматс из Южной Африки и генерал Уэйвелл из Индии. Премьер-министр начал с долгой беседы со Сматсом, а Брук в это время зондировал почву в разговоре с генералом Корбеттом, начальником штаба Окинлека; сам Окинлек ехал из пустыни в Каир, чтобы встретиться с премьер-министром. Затем Брук присоединился к Черчиллю, который настаивал на начале наступления до 15 сентября – сроке, определенным генералом Окинлеком.

После обеда Брук, которому смертельно хотелось лечь в постель, так как он практически не спал с момента вылета из Англии, был, к его неудовольствию, вызван для дальнейшего обсуждения положения. Черчилль заявил, что Окинлек должен вернуться в Каир и сдать командование 8-й армией.

Это было хорошей новостью, так как Брук и сам все время на этом настаивал. Черчилль также требовал, чтобы командующим 8-й армией был назначен генерал Готт.

Брук уклонился от прямого ответа. Он знал, что Готт сильно устал. Он находился в гуще всех событий в пустыне с самого начала, поднявшись от командира 1-го батальона корпуса королевских стрелков в 1939 году до командира 7-й бронетанковой дивизии, а затем 13-го корпуса после его поражения в январе 1942 года. Дважды, в марте 1941-го и в феврале 1942 года, он принимал активное участие в попытках спасти положение в Тобруке, когда Роммель выбивал армию с Киренаикского выступа. На Готта была возложена ответственность за стабилизацию положения вокруг Тобрука, когда в июне возникла необходимость вывода 8-й армии из Газала к границе.

Но этим не исчерпывались все тяготы, выпавшие на долю генерала Готта. Ясность мышления, твердый характер и здравый смысл, его готовность предложить способ действий в положениях, когда другие отмалчивались или сомневались, — все эти качества в соединении с поистине христианским характером сделали из Готта оракула, к которому все: и высшие командиры, и подчиненные — всегда обращались за советом и ободрением, особенно когда дела шли из рук вон плохо. Нет ничего удивительного, что такое напряжение начало сказываться. Готт, как и другие, находился на переднем крае с судьбоносной даты, с 27 мая, и был телесно и ду-

шевно измотан.

Все это было хорошо известно Бруку. Он также знал, что, хотя «атакующий» Готт был достоин доверия, что он во многих случаях доказал свою самоотверженность и пользовался любовью ветеранов битв в пустыне, находились и другие, прежде всего в пехотных дивизиях доминионов, кто не разделял такую точку зрения. Брук был убежден, что нужна энергичная, свежая личность, обладающая сильной волей и уверенностью в своих силах. Сам Брук не сомневался, что таким человеком был Монтгомери. В любом случае Брук решил отложить окончательное решение до личной встречи с Готтом. Черчилль, которому Готта горячо рекомендовал Идеи, бывший офицер стрелковой бригады, чувствовал, что надо сохранить хотя бы одного генерала из «стариков», и был прав, считая Готта лучшим из них.

Когда Брук объявил о своем нежелании немедленно утвердить Готта, премьер-министр ответил тем, что предложил Бруку принимать командование на себя. Это было заманчивое предложение, хотя и связанное с понижением в должности. Но Брук понимал, что не должен принять это предложение, хотя это был бы легкий выход из затруднительного положения. Смертельно уставший, до предела вымотанный начальник имперского Генерального штаба сумел с трудом добраться до кровати только ранним утром 4 августа.

Он проснулся как раз к началу долгого разговора с Окинлеком, после которого встретился с адмиралом Генри Харвудом и маршалом авиации Артуром Теддером. Перед обедом состоялся разговор со Сматсом и тремя главнокомандующими. Затем, когда наступил жаркий каирский вечер, состоялось долгое и важное совещание с Окинлеком, в конце которого договорились о том, что Монтгомери должен принять командование 8-й армией, генерала Корбетта следует сместить с должности начальника штаба, а Готт должен заменить генерала Генри Уилсона, известного под фамильярной кличкой Джумбо, на посту командующего британскими войсками в Египте.

В четверть шестого они снова собрались в посольстве для встречи с премьер-министром, который появился в сопровождении Сматса и Кэйси – австралийца, бывшего британским министром на Среднем Востоке. Черчилль настаивал на быстрых наступательных действиях, против чего выступили Брук и местные командующие. Спор был жарким и долгим, в результате Брук едва успел принять ванну перед девятичасовым ужином, после которого премьер-министр позвал его прогуляться вдвоем по саду.

Черчилль был недоволен соглашением, достигнутым Бруком и Окинлеком. Стало ясно, что предпочтение Черчилля основано на том, что Готт был все время кампании здесь, в Северной Африке, знал всех командиров, был в курсе всех дел, поэтому мог начать боевые действия. Назначение Монт-

гомери можно было использовать как предлог для задержки наступления. Спор продолжался до часа ночи, после чего осталось только три с половиной часа сна до отъезда в расположение 8-й армии.

Несмотря на несогласие с премьер-министром, Брук чувствовал, что прошедший день не пропал даром. Начальник Генерального штаба был рад тому, что Окинлек не возражал против назначения Монтгомери. Теперь, правда, Брука тревожило другое: смогут ли сработаться эти два генерала. Окинлек был склонен «ломать шеи» своим подчиненным, а Монтгомери вряд ли станет это терпеть. Стоило рассмотреть перемещение Окинлека на другую командную должность — шаг, который давно продумывал премьер-министр.

5 августа состоялся выезд всех заинтересованных лиц на фронт к Эль-Аламейну. Там Брук спокойно побеседовал с Готтом, который честно и искренне, что было ему свойственно, предложил влить в командование свежую кровь и назначить командующего, который имел бы новые идеи и верил в них. Было очевидно, что генерал Готт очень устал. Брук понимал, что, если бы не усталость, Готт никогда не говорил бы с ним в таком ключе.

Посещение 8-й армии укрепило Брука в двух суждениях, которые он уже давно для себя составил. Во-первых, 8-я армия действительно храбра, но была бита на мелкой воде и нуждается в новом, энергичном и решительном командую-

щем, прежде чем сможет предпринять новое наступление. Во-вторых, Готт, невзирая на все его выдающиеся качества и самоотверженную верность, которые он проявил среди ветеранов пустыни, не подходил для командования ими. Брук понимал, что ему будет нелегко склонить к своей точке зрения премьер-министра и Сматса, который имел на Черчилля большое влияние. Он подготовился к возражениям, но не ожидал встретить на следующее утро такой ожесточенный натиск со стороны своих оппонентов.

Черчилль решил разделить зоны ответственности средневосточного командования на две половины с границей по Суэцкому каналу, отдав восточную часть Окинлеку, а западную – самому Бруку, а Монтгомери назначить командующим 8-й армией. Не говоря о том, что канал представлял собой естественную границу, все остальное показало Бруку, насколько он был прав в своих предчувствиях.

Предложение принять командование на Среднем Востоке было большим искушением. Самой первой реакцией Брука был отказ. В глубине души он понимал, что его долг состоит в выполнении самой трудной задачи: в обуздании неумных побуждений и энергии премьер-министра для использования в нужном направлении, не вступая в открытые столкновения.

Черчилль использовал все свои уловки, чтобы соблазнить Брука принять предложение, которое даст ему возможность принимать исключительно самостоятельные решения. Сматс

присоединился к уговорам, проявив недюжинную способность к убеждению. Эти два человека, чьи сила и обаяние могли внушать взгляды государственным деятелям и целым народам в течение половины столетия, не смогли пробить стену самоотверженности и верности долгу, проявленных старым солдатом.

В конце концов выбор пал на Александера как командующего британскими силами на Среднем Востоке и на Готта как командующего 8-й армией. Генерал Гарольд Александер, бывший ирландский гвардеец, командовал дивизией экспедиционного корпуса во Франции в начале войны под командой Брука, так же как и Монтгомери. С конца 1940 года по февраль 1942 года он занимал один из важнейших командных постов в Англии, будучи начальником южного командования. Потом он был послан в Бирму с невыполнимым заданием организовать оборону против японского вторжения. Во время трагического отступления в Индию он показал такие качества, как спокойствие духа, способность к разумным суждениям и здравый смысл, которые Брук отметил еще во время отступления из Дюнкерка. Александер только что вернулся в Англию, чтобы принять 1-ю армию, которой предстояло начать вторжение в Северную Африку под командованием генерала Эйзенхауэра. Брук приветствовал выбор Александера, но чувствовал, что назначение Готта было ошибочным. Но, не ощущая в этом твердой убежденности, он не стал спорить.

Этой ночью в адрес кабинета была отправлена телеграмма с просьбой одобрить принятые решения и назначить Монтомери командующим 1-й армией вместо генерала Александра. Рекомендовалось также сместить генерала Корбетта с должности в Генеральном штабе, а также передать командование 30-м корпусом новому командиру, назначенному вместо генерала Рамсдена, принявшего 50-ю дивизию у Нори после ухода его в отставку в июле. Военный кабинет немедленно согласился с предложенными изменениями в командовании и дал разрешение на разделение единого командования на Среднем Востоке на два.

7 августа день прошел спокойно. Премьер-министр посетил только что прибывшую 51-ю шотландскую дивизию. Незадолго до обеда, к вечеру пришло трагическое известие о том, что погиб генерал Готт. Он возвращался в Каир из Бург-эль-Араба на борту транспортного самолета, на котором, кроме него, летели несколько солдат и летчиков. Этот маршрут считался совершенно безопасным: два дня назад именно этим маршрутом летели премьер-министр и сопровождавшие его лица. Транспортный самолет был атакован двумя германскими истребителями, которые вынудили его совершить вынужденную посадку в пустыне. Большинство пассажиров, включая Готта, сумели выбраться из машины, но некоторые остались в самолете, как в западне. Готт вернулся в самолет, чтобы помочь им выбраться. В это время ис-

требители вернулись и обстреляли стоявший на земле самолет. Машина загорелась, и погибли все, кто находился внутри. Известие потрясло собравшихся.

Кроме того, для Брука и премьер-министра это означало возвращение старой проблемы. Сначала Черчилль предложил на освободившуюся должность генерала Уилсона, но Сметс неожиданно поддержал Брука, и они вместе убедили премьер-министра, что самым подходящим человеком является Монтгомери. Ему следовало прибыть немедленно, и надо было представить трудность сообщения этой новости Эйзенхауэру, который всего за двадцать четыре часа до этого лишился Александера.

Новость о кадровых перемещениях теперь надо было обрушить на голову Окинлека. Для выполнения этой неприятной задачи в ставку 8-й армии был отправлен подполковник Йен Джекобс. Окинлек принял известие со свойственными ему достоинством и честью. Он отказался от предложенного ему утешительного приза в виде символического командования в Персидско-Иракском регионе и предпочел подать в отставку. В это время премьер-министр и Брук побывали в 8-й, 9-й и 24-й бронетанковых бригадах в сопровождении генерал-майора Ричарда Маккрири, которого Брук уже порекомендовал на место начальника штаба Александера вместо Корбетта.

Эти бригады вскоре должны были получить новые танки

«шерман», которым было суждено сыграть важную роль в победе под Эль-Аламейном. Эти машины были предназначены для американской 1-й бронетанковой дивизии, которая с нетерпением ждала их. Падение Тобрука произошло в то время, когда премьер-министр был в Вашингтоне на встрече с президентом Рузвельтом и генералом Маршаллом. Американцы сделали широкий жест, учтя наше тяжелое положение, и приняли решение направить в 8-ю армию 300 боевых машин, которые уже были на подходе к Суэцкому каналу во время инспекции танковых бригад.

На следующее утро 9 августа на несчастье Брука во время завтрака прибыл генерал Александер. Брук надеялся переговорить с генералом с глазу на глаз до того, как Черчилль успеет заразить его своими идеями о проведении будущей кампании. Но премьер-министр узнал о прибытии нового командующего уже через несколько минут после его прилета. Весь день прошел в совещаниях, а 10 августа вскоре после полуночи премьер-министр и его свита вылетели в Тегеран. Перед отъездом Черчилль дал генералу Александеру следующую директиву:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.